

— Ой... — пискнула Таня. — Пусти, задушишь!! Сережа!
Он поставил ее на землю и взял со скамьи завернутый в газету учебник.
— Идем, Танюша. И пожалуйста, застегнись, — строго сказал он. — Ты что — и в классе так была?
— Что ты, Сережа... Я расстегнула за минуту до твоего прихода, правда...

9

② И так, сдан последний экзамен. В вестибюле девушки расцеловывают Ивана Никитича, за десять лет отзвонившего им тысячи уроков и перемен; потом сторож, растроганный и прослезившийся, снимает фуражку — все видят вдруг, что он стал уже совсем-совсем седенький за эти годы! — и торжественным жестом распахивает перед десятиклассниками высокую стеклянную дверь. Таня вдруг всхлипывает — громко и очень по-детски. «Что с тобой?» — тревожным шепотом спрашивает Сергей. «Нет, ничего... — Она улыбается и смагивает с ресниц слезы. — Просто так... Дай мне платок, скорее...»

В посвященный раз они прохаживают по наизусть знакомой дорожке, выложенной бетонными плитами. Узорчатой тенью и шевелящимися совнечными пятнами. Правда, они еще вернутся сюда в субботу, но это будет уже выпускной вечер, а «официальная часть» окончена. Сегодня среда, восемнадцатое. Отличная погода, снова жарко, но теперь это уже никого не беспокоит: жара мешает занятиям, но для того чтобы отдыхать, загорать, купаться — что может быть лучше! Вперед чуждое авто. До самой короткой ночи года остается ровно три суток. На улице они долго еще стоят перед школьной калиткой, хохочут, кричат, перебивая друг друга. Снова заражаясь их весельем, с улыбками отгадываются на них прохожие, — такие шумные компании можно видеть сегодня перед многими школами Энка. Наконец, выпускники расходятся группами, прощаясь друг с другом до субботы. Уходит Ариша Лисиченко со своим очкастым приятелем. Могамна бежит в институт — сообщить Ланине

③

силуэтами, в трех проекциях. Только побыстрее, а?
— А много нужно?
— Сколько сделаешь. Лучше бы побольше, ясно. Осоавиахимовцы просили, потом здесь надо повесить, ну и вообще — в общественных местах. Скажем, в военкомате непременно.
— Ладно, — кивнул Володя. — Только как быть с бумагой? Хорошо бы и тушь достать — в магазинах ведь нигде нет...
— Это можно, — кивнул Поддубный, вставая. — Получишь плакаты, с оборотной стороны можно рисовать, бумага там первый сорт, и тушь тебе дадим. Обожди здесь, я сейчас приплю. Ну, бывай.
Получив под расписку четыре флакона туши и рулон плакатов, посвященных методам борьбы с клопом-черепашкой, Володя отправился домой и сразу же засел за работу. У него была собрана вся выпущенная Воениздатом серия «Силуэты иностранных самолетов», в том числе и выпуск, посвященный самолетам Германии. Целый день он перечерчивал увеличенные силуэты на картон, потом вырезал их, и работа пошла как в типографии. Олег обводил

63

все это нужно нарисовать покрывнее, — Мовалец, вижу, что знаешь. Так вот, Одобрительно кивнула и сам Поддубный: авиационного специалиста. посмотрела на столь компетентного беретике подаяла голову и с уважением двинула в крашенном акрином «Юнкерс-52»...
Взрыв-190». Для десантных операций — «Мессершмитт-109» и «Фокке-«Юнкерс-87», а истребители затем одомоторный пикирующий «Юнкерс-88» — это все авиамоторные «Хейнкель-111», «Дорнье-217», — Из бомбардировщиков у них сейчас самые распространенные: распознать немецкие самолеты. Какие наглядные пособия, чтобы учить народ что, Лаушко, нам сейчас нужны. Авай то, что от тебя требуется. Вот поймешь на фронте, а пока сиди и — Потому ты со своим направлением. Вы только дайте направление. — Я могу и в авиацию, это даже лучше. — Разумеется, — важно ответил Володя. Хорошо в самолетах разбираться? — Я помню, — ты, помнится, рядом с Мовалец, — ты, помнится,

62

— Дядяша, всё!! Понимаешь — четыре «хорошо» и целых семь штук «отлично!» Ура, Дядяша!!

— Ну, Татьяна... — Голос полковника становится вдруг совсем хриплым. — Татьяна, я тебя... э-э-э... поздравляю от всей души. Молодец, брат, молодец...

— Служу — Советскому — Союзу!! Ты очень рад, Дядяша?

— Согласись, Татьяна, вопрос несколько неуместен. Ну, отлично, отлично. Ты что делаешь сегодня вечером?

⑥ — Пока ничего, в восемь должен позвонить Сережа. А что?

— Я хотел тебя попросить уделить сегодняшней вечер мне. Если ты не возражаешь, конечно. Мне хотелось бы поужинать с тобой где-нибудь в городе. Или у тебя более интересная программа? Нет, ну этот Сережа — просто колдун какой-то! Как он мог догадаться?

— Нет, Дядяша, никакой программы нет, правда. Хорошо, я тогда скажу Сереже, что сегодня не могу... Я очень рада, Дядяша!

— Разумеется, если у тебя действительно...

— Нет-нет, Дядяша, я же говорю! В котором часу ты будешь дома?

— Часов в девять, скажем лучше — в двадцать один тридцать. Постарайся быть готовой к этому времени. — Есть быть готовой в двадцать один тридцать! Что ты мне посоветуешь навестить, Дядяша?

— Правдо, не знаю. Ну, мне нравятся твои это — черное, что ли, с белым воротом...

— Сауша, товарищ полковник! Хорошо, к половине десятого я тебя жду...

В настоящем ресторане она не была еще никогда в жизни. Интересно и немного странно, если судить по тому, что обычно пишется в книгах о подобных местах. Страх наваяла уже швейцар, распахнувший перед ними входную дверь, — огромные, бородастые, в странном обшитом лагунами ливнем пальто с золотыми пуговицами до самого низа.

Впрочем, уже в вестибюле Татьяна расхрабриваясь настолько, что даже пожалела об отсутствии какой-нибудь нарядной ивы — или что обычно надевают в таких случаях? — которую можно было бы «небрежным жестом» отбросить.

⑦ — Ты не подумай обо мне, — с трудом выговорила она наконец слова, которые все это время бились у нее в мозгу, гася сознание. — Как ты можешь быть жаркий посеребренный час на бывать каштаны, пожывая шевеление каштаны, пожывая жемчужина вязала на скамейке чулок, то и дело подбавляя поверх очков на конопатящиеся непонятные мамыша. Таню снова обдало холодом от дошедшего до ее сознания чужовиного контраста между этой мирной спячкой и тем непостижимым, что уже отняло у нее самой все, составляющее обычную человеческую жизнь.

— Именно о тебе я и думал, — глухо сказал Сергей. — Именно о тебе. Может, я не так все это понимаю, как нужно... Но только я с самого первого дня думаю только о тебе. Кем бы я был, интересно, если бы остался сейчас в тылу, пока тебя кто-то другой защищает там, на фронте...

С первого часа войны Володя Глушко находился в состоянии лихорадочной активности. Отец еще накануне с вечера уехал на рыбалку и звал его с собой, но Володя собирался пойти в лес вместе с одноклассниками; он уже уходил, когда Лена включила радио и он услышал слова: «... Работают все радиостанции Советского Союза». Поколебавшись секунду, он бросил рюкзак на пол и стал ждать начала передачи, — похоже было, что предстояло важное сообщение. Таким образом, известие о войне застало его как бы в положении временно исполняющего обязанности главы семейства.

Он начал свою деятельность с

⑤8 — Ты не подумай обо мне, — с трудом выговорила она наконец слова, которые все это время бились у нее в мозгу, гася сознание. — Как ты можешь быть жаркий посеребренный час на бывать каштаны, пожывая шевеление каштаны, пожывая жемчужина вязала на скамейке чулок, то и дело подбавляя поверх очков на конопатящиеся непонятные мамыша. Таню снова обдало холодом от дошедшего до ее сознания чужовиного контраста между этой мирной спячкой и тем непостижимым, что уже отняло у нее самой все, составляющее обычную человеческую жизнь.

Отец обдумывал на нее подобно эвклидовскому разряду несчастья высокого напряжения, испепеляя все внутри и оставляя пустую безобразную оболочку.

Сергей говорил ей что-то, крепко взяв за локти, потом он осторожно расцепил ее пальцы, все еще стиснутые на поручне, и куда-то пошел. Уже на бывать Котовского, в полукустарнике от своего дома, она вдруг останавливалась и поспотевала на Сергея, словно и не узнавая его.

какой-то сероватый оттенок, смуглое Сергеево лицо.

— Что случилось? — спросила она, как ей показалось, очень громко, на самом деле почти беззвучно шевельнув губами. Сергей смотрел ей прямо в глаза, горло его судорожно дернулось раз и другой, словно он пытался и не мог что-то проглотить.

— Я тебе должен сказать, — проговорил он наконец с видимым усилием, — что... мы сегодня последний день вместе. Завтра утром мне нужно явиться на пункт. Военкомат уже все оформил.

56 Таня ничего не поняла — может быть, только поэтому она не закричала и не упала здесь же на замусоренный горячий асфальт. Она не поняла его слов — понять и осмыслить их было невозможно, — но ее вдруг обдало каким-то странным мертвящим холодом, и все вокруг нее: Сергей, мерцающая на солнце листва седых тополей на той стороне площади, выложенные стенкой мешки с песком и тускло отсвечивающие каски зенитчиков, — все это вдруг словно померкло и поплыло куда-то. Она зажмурилась и прижалась спиной к

вообрази, начала пакать: «Как это могло получиться, столько лет мы себе во всем отказывая, все в стране шло на оборону — а теперь собственных границ удерживать не можем»... Ну, я ей, конечно, сказала, что ведь смешно же думать, будто немцы и в самом деле сильнее нас! Просто у нашего командования такой план. Стратегический план. Ведь правда, Сережа?

Она подняла голову и смотрела на него с выражением и растерянностью, и умоляющим, и в то же время каким-то требовательным.

— Ты ведь согласен, что это план? Кузнецов ведь тоже... — Допивай, и идем, — утробно сказал Сергей, отводя взгляд. — Откуда я знаю, план это или что. Да и что нам с тобой об этом гадать...

Они вышли. На улице, несмотря на ветер, было еще жарче, чем в кафе. Спустило солнце, на углу мавиционер с противотанковой сумкой и винтовкой за печатями пропустил коновну грузовиков защитной окраски, доверху нагруженных под брезентом.

— Сейчас об этом гадать нечего, — повторил Сергей, провожая взглядом

ей из-за новизны обстановки было не до этого, а во-вторых, как известно, в ресторане полагается признавать вкусным все — даже устрицы. Если бы ей сейчас преподнесли устрицу, она, очевидно, должна была бы похвалить и этого мерзкого моллюска — или же сознаться в своем невежестве, а это никому не приятно.

— А шампанское пить будем? — заговорщицки спросила она у Дядисаши, немного освоившись и почувствовав, что есть больше не хочется. — В таких случаях ведь полагается, правда?

— Разумеется, я уже заказал, — кивнул полковник.

Действительно, принесли и шампанское. Таня ожидала выстрела, но, к ее разочарованию, официант раскупорил вино совершенно бесшумно.

— Ну, что ж, Татьяна, — сказал полковник. — Выпьем, брат, за окончание твоих школьных лет. Скоро ты начнешь самостоятельную жизнь... Он помолчал, глядя на быстро бегущие со дна пузырьки и, видимо, желая сказать что-то еще. Потом крикнул, так ничего и не сказав.

— Да... ну ладно. За твое большое

моего участия. Я только совсем недавно поняла, какое это огромное дело — из ребенка сделать взрослого, настоящего человека... Может быть, вернись мы сейчас назад, к тридцати шестому году, и вела бы себя совсем иначе... Может быть, я даже не была бы посетительницей каких-нибудь курсов, принимать участие в работе ревизорских комитетов, что-нибудь в этом роде. Тогда у меня не было бы теперь этого печального сознания... непричастности к твоему воспитанию. Я ведь всегда смотрела на тебя как на своего дочку, Татьяна, с первого дня, когда увидала тебя в Москве. Впрочем... Он улыбнулся Тане немного смущенно, твердым движением раздвигая в печальнице панироу и нависая себе еще коньяку.

— Дядяша... не понимаю, зачем ты это говоришь, неужели ты думаешь, что я относилась к тебе как-то иначе все это время? Ты ведь знаешь, я панироу помню... ева-ева... И насчет воспитания — я не знаю, много ли во мне хорошего, но то, что есть... я знаю, что без тебя этого не было бы никогда. Зачем ты так говоришь об этом, Дядяша? И насчет разлуки...

12

счастье, Татьяна.
— Спасибо, Дядяша... — шепнула
Таня, обеими руками, чтобы не
расплескаться, держа полный до краев
бокал.
Морща от удовольствия нос, она
маленькими глотками допила до дна
покалывающее ледяными иголочками
вино и пожалела, что в ресторане бить
бокалы не полагается.
Полковник снова взялся за свой коньяк.
Пил он не закусывая.
— Ну что ж, Татьяна... — сказал он,
закурив. — Вот и подошла к концу наша
10 с тобой совместная жизнь. Да, брат,
пять лет почти...
— Ты говоришь так, словно нам
предстоит расстаться навсегда...
— Во всяком случае, надолго. Целый
год! Для меня это очень долго, Татьяна.
Приемные испытания начинаются в
августе? Видишь, значит, через какие-
нибудь полтора месяца вам уже нужно
ехать...
Таня косится на полковника и подавляет
вдох. Правда, это ведь очень долго
— целый год. Нет, у нее просто не
повернется язык сказать Дядесяше о
поездке в Тулу, — придется Сереже

ехать одному, как это ни печально.
Может быть, не на месяц, а недельки
на три. А потом они встретятся уже в
Ленинграде... Или договорятся о встрече
в Москве. В Москве было бы лучше
— все-таки она должна сама показать
Сереже свой родной город.
— ...почти пять лет, — медленно говорит
полковник, постукивая палочкой
по краю пепельницы. — Не успеешь
оглянуться... Ну что ж, Татьяна, я
надеюсь — ты на меня не в обиде за то,
что я не сумел создать для тебя более
нормальную семейную обстановку...
— Дядяша, милая...
— Подожди. Я не умею тебя
воспитывать, в это знаю... И
11 никогда не надеюсь, что буду уметь.
Тут уж, брат, не моя вина... Но, так
или иначе, тебя воспитали — школа,
Зинаида Васильевна, твои друзья, и я
думая, воспитали неплохо... в основном,
хотя у тебя есть много недостатков. Я
них уже говорю, и ты обещаешь принять
мои слова к сведению.
— Конечно, Дядяша...
— Да... А сейчас я смотрю на тебя,
и мне особенно... огорчительно, что
твое воспитание обобщилось в общем без

услышат приближающиеся к городу
самолеты.
Через двадцать минут дали отбой.
Таня посмотрела на Сергея и несмело
улыбнулась.
— Видишь, опять их прогнали, —
сказала она, — и пушка даже ни разу
не выстрелила... А я так испугалась,
прямо...
— Может, стороной прошли, —
отозвался Сергей, — чего им сюда
летать... Слушай, Танюша...
Выйдя из туннеля, они остановились у
витрины — той самой, где когда-то были
фотопринадлежности и возле которой
состоялось два года назад их первое
свидание. Таня взялась за поручень
и нагнулась, выковыривая из туфли
попавший туда камешек.
— Да? — переспросила она, подняв лицо
и морща нос от солнца.
— Танюша... 55 я должен тебе
сказать — только ты не...
Пораженная его тоном, Таня
замерла, забыв о камешке. Потом
она выпрямилась, все еще держась за
поручень, и увидела вдруг — никогда
в жизни она еще не видела ничего
подобного, — как бледнеет, приобретая

промыхающие машины. — Поважнее
есть дела...
— Но это же очень важно — понять!
Вчера я видела Вовочку, у Люси,
и он тоже считает, что это просто
стратегический план — отходить на
прежнюю границу, там ведь спавшая
цепь укрепрайонов. Пока немцы дойдут
туда, они потеряют половину армии, и
там их совсем уничтожат...
Проехав посаженный грузовой. Таня с
Сергеем перешли на другую сторону
улицы, вышли на площадь. Когда они
появлялись с витринами «Динамо»,
54 ажно и уютно взрывается сирена
на крыше эвектромажного
треста. Таня вздрогнула и ухватилась
за Сергея. «Спокойно, Танюша», —
негромко сказал он, сжав ее руку.
Вместе с другими они заскочили в
туннельный вход. У входа в сквер, возле
зентного орудия, аловито суетились
артиллеристы, сирена продолжала выть,
то достигая дуршарающего рева,
то стихая, — и тогда было слышно, как
вразнобой и разносозо надрываются
артильные сирены и гудки фабрик. Потом
все стихло. Люди переставали
вспомогая, словно боялись, что их

13

начинает вальс. Таня вопросительно улыбается Дядесаше, подняв палец: «Один разочек?» Тот встает и одергивает китель.

С немного старомодной церемонностью предложив племяннице руку, полковник ведет ее к центру зала, где танцуют.

Сидящие за столиками оглядываются на не совсем обычную пару. Таня чувствует эти взгляды, но на этот раз они ее не смущают. Пускай смотрят, пускай любуются ее Дядесашей... ну, и ею самую — если им угодно! В одном из зеркал она мельком улавливает

14 свое отражение и остается вполне довольна. Да, Дядяша был прав

— это платье, черное и совершенно закрытое, идет ей больше всего...

Полковник танцует хорошо — немного деревянно, но каждое его движение четко и отработанно. Впрочем, вальс

— это ведь единственный танец, который Дядяша умеет. Откинувшись на его руке, Таня смотрит на него и улыбается, глаза ее уже чуть затуманены головокружением.

— Я хорошо танцую, Дядяша?

— Да, насколько я понимаю...

— Ты тоже, правда. Я уверена, что если

Фрунзенской, вот где. Я там вчера ел. Таня послушно встала и пошла за Сергеем.

Как ни странно, в кафе оказалось не так много народу. Выждав, пока освободился столик возле окна, Сергей усадил Таню, бросил на второй стул свою кепку и побежал к стойке. Таня безучастно смотрела в окно.

51 Прошла колонна мобилизованных, с чемоданчиками и заплечными мешками. У газетного киоска терпеливо ждала длинная очередь. В доме напротив, на втором этаже, женщина оклеивала стекла косыми полосками бумаги. Сергей принес два стакана чаю и две небольшие порции пирога какого-то неопределенного вида.

— Только чтобы все съела, слышишь?

— строго сказал он, ставя тарелку перед Таней.

— А ты?

— Чего я... Я уже поел, не бойся.

Думаешь, как ты? Вот чаю я выпью, пить страшно хочется...

Чай был без сахара, пирог вязкий и со странным привкусом, но Таня съела одну порцию и заставила себя приняться за вторую. За соседним столиком

— Идем, говорю. В кафе на интересно...

— Где это теперь можно поесть, можно поесть.

безобразия! Идем сейчас же, я знаю, где же так, Таня, что это, в самом деле, за

50 маленькая, честное слово... Невзья — с какой-то сказкой он. — Как

— Ну вот, как с тобой еще говорить! ева с самого утра, наверно поэтому.

— Нет, Сережа, что ты... Я просто не забавля?

он и привожу ладонь к ее губу. — Ты не — А что такое? — встревоженно спросил

немного, я приняла пирамидон.

— Голова очень болит... Сейчас асече — Похохо... Чего у тебя вид такой, Танюша?

оружейная промышленность, вот это оаного навета до сих пор. Правда, в Туле все в порядке... Мы вон ближе, и то ни

— Вообще-то я тоже думаю, что там же о Киеве и Одессе...

— Ну почему, в первый день сообщали — Так вообще не сообщают, где бомбят.

ничего не сообщали...

его по руке. — Беда о наветах на Тулу тревожась, — сказала она тихо, потаив

— Да, то же самое. Сережа, а ты не сих пор ничего нет... Своакку саушаа?

будем просто сидеть и пить. Тебе возвращаться — позволение обязывает.

нибуа девятикласснице? Нет, а лучше ресторане мороженое поаодно какой-то

престиж взрослого человека, упавшая в прочь, но стоит ли ронять свой

отвечает Таня. Вообще-то она не — Н-нет, — не совсем решительно

место. — Мороженого? спрашивает он, усадив племянницу на

— Ты хочешь чего-нибудь еще? — обаятельно, вальс окончен.

15 головой полковник. К его тайному выдали аттестат зрелости, — качает

— Нет, тебе все же слишком рано — место академии, понимаешь?

говорит Таня, — нужно было раньше — — Теперь-то уж поздно, — с сожалением

э-э-э... поступить в баает... женьиться на Людмиле Земцевой, то...

идеи, Татьяна. То ты предагаешь мне — У тебя вечно какие-то странные

уверена! была бы ничуть не хуже, я совершенно

узнается Таня. — Ну вот, так ты — Ты видела Асафа Месерера? — не

ответить. На это полковник даже не находит что бы ты поступил в свое время в баает...

с газированной водой приняла две таблетки сразу. Вода была теплой, с неприятным резинистым привкусом. Таня ощутила мгновенный приступ тошноты. Она подумала вдруг, что с самого утра еще ничего не ела — очевидно, от этого и разболелась голова. Упорные арьергардные бои на всех направлениях — но это же значит, что мы продолжаем отходить...

Морщась от солнца и тупой пульсирующей боли в висках, она вернулась в скверик и осторожно — каждое резкое движение было мучительным — опустилась на скамейку в негустой тени пыльной акации. Нестерпимо, в упор, палило солнце. Люди продолжали стоять плотной темной массой вокруг столба с громкоговорителем. Сережи все нет. Правильнее было бы ждать его дома, конечно. И вообще «держат себя в руках и сохранять хладнокровие», как твердит Люся. Как будто она и так не держала себя в руках, даже позавчера ночью, когда уезжал Дядяша...

Таня судорожно всхлипнула, до боли закусив губу. Нет, лучше проводить дни

умиравшись, причисляясь... Кажется, вот сейчас свернулася бы прямо здесь на коврик и уснула. Завтра — спать до олимпиады! Ну, по крайней мере — до повоинных олимпиад, потом придет Сережа...

Два часа сорок пять минут. На городских и тихими семами генерал-губернаторства — бывшей Польской Речи Посполитой — ревут в светяющемся небе сотни моторов. Ревут моторы и на земле. По шоссе Жешув — Перемышль, окутанная дымом и пылью, движется гигантская бронированная змея. На берегу потранный реки в леском расцветном тумане саперы стаскивают к воде первый понтон. Автоматчики удачных соединений — «штурмшпешен» — занимают места в бронетранспортерах.

Небо уже совсем посветало. Вот так штука — уже, оказывается, утро! Таня подхвывает к окну и, морща нос, выдыхает понтую гравь воздуха. Какой чудесный расцвет! Потом она вспоминает, что забыла выключить свет в ванной. А, неважно, Дядяша встает рано, он потасит. Только бы ему не взумадось разбудить, по обыкновению, и ее!

— Ничего, — беззаботно говорит Таня. Теперь она чувствует себя совсем хорошо. Непринужденно откинувшись на спинку стула, она грызет печенье и, морща нос, оглядывает золоченые коринфские капители.

— Тебе нравится такая обстановка, Дядяша?

Полковник пожимает плечами, наливая себе коньяк:

— Что значит нравится?.. Ресторан как ресторан... Что тут может нравиться?

— Мне — нет. Все это как-то безвкусно — люстры, позолота...

— Ах, в этом смысле. Очевидно, здесь был ресторан еще до революции, тогда это считалось красивым. Когда у вас выпускной вечер?

Таня отпивает глоток шампанского.

— В эту субботу, двадцать первого. Кстати, — спрашивает она, жуя печенье, — что это за опровержение было в прошлую субботу? Мне Сережа сказал, а я так и забыла прочитать с этим экзаменом. Что-то насчет передвижения немецких войск?

Полковник медленно закуривает.

— Видишь ли, в последние недели немцы начали перебрасывать к нашей

шампанского, говорят, обычно болят приятно, — говорит полковник. — От — Да, но завтра тебе будет не так можно понять, ради чего люди пьют. Если это и значит быть пьяной, то тогда беззаботно отвечает Таня. — Завтра... — Неважно, приму пирамидон, — бы пригласить завтра к нам Сережу, и чтобы отпраздновать тоже и его аттестат. Он ведь совсем один, бедный! — Разумеется, что за вопрос. Организуй все это, ты ведь уже свободна. — Ой, мне просто не верится, что это так... Кто мог подумать, что я в один прекрасный день окончу школу! — Ну, в какой-то степени я это подозреваю. А я тебя, я вижу, это являюсь нежиданностью?

Таня прикрывает глаза и тихо-покачивается в такт музыке.

— Угу... Понимаешь, Дядяша, когда очень долго чего-нибудь ждешь, то просто переставешь в это верить... Ты знаешь, сейчас я совсем счастлива. — Надеюсь, это не только от шампанского?

48

17

20

45

бои, нанося противнику большое поражение. В боях на Шяуляйском направлении наши войска захватили много пленных, значительное количество которых оказалось в состоянии опьянения. На Минском направлении войска Красной Армии продолжают успешную борьбу с танками противника, противодействуя их продвижению на восток. По уточненным данным, в боях двадцать седьмого июня на этом направлении уничтожено до трехсот танков тридцать девятого танкового корпуса противника. На Луцком направлении в течение дня развернулось крупное танковое сражение, в котором участвуют до четырех тысяч танков с обеих сторон. Танковое сражение продолжается. В районе Львова идут упорные напряженные бои с противником, в ходе которых наши войска наносят...»

47

Таня выбралась из толпы, — сводка была та же, утренняя, никаких новых сообщений не прибавилось. Перейдя улицу, она зашла в аптеку и купила пакетик пирамидона, потом у киоска

позитив, вела упорные артефактные

10

Таня берет лист бумаги, красные
картаны и, позевывая, пишет
огромными корявыми буквами:
«Прощу меня не будить. Да здравствует
переступный образ жизни! Т.
Николаева, студентка I курса ФФ МГУ».
В десяти километрах от советской
погранзаставы, по ту сторону Буга,
с тяжким вздохом входит в ствол
105-миллиметровый гаубичный снаряд.
Прикованное обьявление к портюре, со
стороны Аляскашской компании, Таня
срывает казенный листок. Ой, какое
число симпатичное — круглое такое,
и цифры красивые, как и должно быть.
Весь всякое число имеет свой цвет,
это всем известно... Выпугавшись из
халатика, она швыряет его на стол и, как
в воду, падает в прохладные простыни.
Засыпает она мгновенно. Часики на ее
руке показывают ровно три пятнадцать.
В эту минуту на Брест обрушивается
первый бомбовый удар.

46

была такая суровая, скорее прикинет,
чем покажит. И варит такое!
— Значит, она особенно горячо
переживает твой успех. Зинаида
Васильевна — женщина редкого сердца.
— Да... очень редкого...
Таня отпивает из своего бокала
и, удивленно приподняв брови,
разламывает печенье.
— Ты говоришь — редкого, — говорит
она задумчиво. — А мне сейчас пришло
в голову, что я до сих пор как-то выдаю
вокруг себя только хороших людей.
Значит, их вообще больше?
— Я никогда не занимался такими
подсчетами, Татьяна. Но одно могу
сказать с уверенностью — тебе,
несомненно, встретятся и другие люди...
Конечно, думает Таня, есть и другие.
Собственно, она их уже видела...
Шибалин, Бонаренко... Кто еще?
Были, наверно, и еще, только они не
запоминаются. Думать о плохих людях
неприятно, поэтому о них и забываешь.
— Я бы не хотела с ними встречаться,
— вздыхает она и сбрасывает упавшие
на юбку крошки. — Надеюсь, что и не
встречу...
Уже почти час ночи. У нее приятно

18
и разглядывает на свет пузырьки,
серебряным бисером осыпавшие
изнутри стенки бокала. — Только людей
пугают... Ой, ты знаешь, Дядяша,
мать-командирша меня сегодня прямо
растрогала. Она так меня встретила
— начала поздравлять, сама даже
всплакнула... Не особенно похоже на
нее, правда?
— По-моему, Татьяна, очень похоже.
Ты что же, не понимаешь, как она к тебе
относится?
— Я не о том, Дядяша! Конечно, это я
понимаю. Но внешне — она ведь всегда

Впереди, за молчаливой вереницей выстроенных на взлетной дорожке пикировщиков, светлеет восточный край неба. В три часа пятнадцать минут они должны быть над целью.

— Так завтра в двенадцать? — спрашивает Таня шепотом. Шепот этот — скорее по привычке, это уже как условный рефлекс: последние слова в подъезде полагается произносить шепотом. Сейчас можно было бы кричать во весь голос — все равно вокруг никого нет, дом спит от первого до четвертого этажа. — Хотя какое

44 завтра, это уже сегодня... В общем, в двенадцать я тебя жду. Или знаешь — лучше в одиннадцать! Только не раньше, Сережа, я хочу наконец выспаться хоть раз в жизни. В одиннадцать точно-точно, ладно? Ну... Потом она поднимается по лестнице, счастливо мурлыкая, тихонько возится с английским замком, входит на цыпочках. Дядяша мирно похрапывает на своем диване. На столе что-то приготовлено — нет, какая там еда, спать хочется до смерти... Отчаянно зевая, она раздевается. Ужас — нужно еще стелить постель,

первыми... Еще левее, уже по самой обочине, обгоняя машины, проносятся низкие темные тени мотоциклистов. Уже не слышно аромата алутов, его сменили алутовские запахи — разогретого масла, пылин, едкого перетраченного синтетического горючего — знакомые каждому солдату тревожные запахи военных дорог, запаха войны...

— Ты не устаешь еще? — спрашивает Сергей. — А то, может, пойдём? — Ой, я уже совсем без ног, правая... Сейчас пойдём, Сережа, я только обещаю этот танец Лихтенфельду — пять минуток, хорошо? Таня танцует с Лихтенфельдом. — Саша, Сергей, — подхватывает Людмила, — я думаю, с утра завтра никто не соберётся. Давайте назначим алутов на час — все ведь будут спать до обеда. А соберёмся у меня, как и Ланей, и прихватите так к половине первого. Вы ещё не собираетесь уходить?

— Да, сейчас пойдём... Ты тоже идёшь? — Я задержусь ещё на четверть часа, нужно здесь договориться. Так я жду к половине первого, слышишь?

— Не-ет, что ты, я именно счастлива — по-настоящему, понимаешь? Все-таки ужасно хорошо жить на свете...

— Пора бы тебе спать, Татьяна.

— Ну что ты. В восемнадцать лет можно уже, кажется, начать вести нерегулярный образ жизни!

— Во-первых, тебе еще семнадцать...

— Ничего подобного —

21 восемнадцать без трех месяцев.

— ...а во-вторых, о нерегулярном образе жизни ты забудь раз и навсегда. Я вот поговорю с Сергеем на этот счет, он тебе пропишет.

— Конечно, — вздыхает Таня, допив свое вино. — Я так и знала, что рано или поздно дело кончится именно этим. Теперь ты нашел себе новое орудие воспитания — вместо матери-командирши. Не хватает только, чтобы Сережа начал применять ее методы...

— Так оно и будет, — подтверждает полковник и останавливает ее руку, протянутую к бутылке. — Все, Татьяна, хватит.

— Но, Дядяша! Я выпила всего два бокала, правда.

— А третьего не выпьешь. Впрочем, ошибаешься — это был бы уже

суждено вам написать в историю своей страны? И если сегодня вы испытываете чувство благоварности к тем, кто готовил вас к жизни в этих стенах, — пусть каждая из вас сегодня даст себе слово: извлечь из полученных здесь знаний максимум пользы и отдать ее народу, сыновьями и дочерьми которого вы являетесь. Могу сказать от имени всего преподавательского коллектива: мы верим, что вы не останетесь в алутовской стране...

Правда у алутовская, и он говорит, не повывшая голова, словно беседуя с глазу на глаз, но в зале так тихо, что отчетливо слышится каждое его слово. Он произносит еще несколько фраз, потом поднимает стакан и улыбается в прокуренные усы:

— Ну что ж, мои алутовские, выпьем за алутовскую перед вами широкую и ясную дорогу, за ваши будущие успехи, за ваше личное счастье. Счастливого пути, товарищи!

Все встает со стульями в руках. Сегодня сторож смахивает с алутов, крепко сжав пальцы Сергея, до поспевания капешки допивает терпкое кисловатое

четвертый. Первый ты выпила вместе со мной.

— А тот ведь не считается!

— Нет, довольно. У тебя уже совсем сонные глаза, Татьяна.

— Непра-а-ава, — капризно говорит Таня и вдруг чувствует, что ей действительно очень хочется спать.

— А в общем, знаешь, пойдем лучше домой, правда. Что-то мне здесь вовсе не нравится!

Она оглядывается и морщит нос — на этот раз уже недовольно.

22 Двадцать первое июня, суббота, шесть часов вечера. Актный зал убран зеленью, на стенах гирлянды из свеженаломанных ветвей, десятки букетов украшают составленные буквой «П» столы. За длинными сторонами — виновники сегодняшнего праздника, семьдесят четыре выпускника, за средней разместились преподавательский и технический состав школы. Разлито по стаканам вино, разложена по тарелкам нехитрая импровизированная снедь. За преподавательским столом встает Геннадий Андреевич, оба класса мгновенно стихают, и семьдесят четыре

кто знает, какие подвиги и открытия произведут, путешественники, — прославляемые и переживаниями товы, вы станете инженерами, учеными, промышленными предприятиями. Пройдут аудиториях институт или в пещах только начинается, будь то учеба в своей учебы — по-настоящему она ярко и пышно. Вы не закончили всходы, которые со временем расцветут этот не пропадет даром, что он уже дав вечер — свидетельств того, что труд ваше присутствие на сегодняшнем

23 преподаватели все эти десятилетия, и радость. Упорно и кропотливо трудясь испытываем то же волнение и ту же кажущийся, и кажущийся то все мы в жизни, для нас он повторяется выпускники, этот день — единственные богат страны. Для вас, товарищи для новой плодотворной работы на которых для знания, которых воспитала жизнь новых отряд молодых граждан, большой праздник — она провозгласт шавунов. — Сегодня в нашей школе то наводил страх на самых отчаянных негромким тоном, который когда-то — И так, товарищи, — говорит он своим парям газ устремляются на директора.

беззвучного хохота, обеими руками зажимает себе рот. Наконец прохожий удаляется.

— Бежим скорее, а то он еще милицию сюда пришлет!

Держась за руки, они мчатся прямо по мостовой — все равно светофоры уже выключены! Таня хохочет во все горло.

— Ой, я уже не могу, Сережа! У меня каблук сейчас отлетит, и юбка узкая, — с ума ты сошел, что ли!..

43 Два часа тридцать минут. Обер-лейтенант забирается в кабину, садится, уложив под себя парашютный ранец, натягивает шлем. За его спиной устраивается в своей турели бортстрелок. Привычным движением пилот поправляет на горле контакты ларингофона, проверяет контрольные приборы, управление, связь. Все готово, остается ждать сигнала к старту. Он сидит, закинув голову, равнодушно барабанил пальцами в перчатках по целлулоиду пристегнутого к колену планшета. Колпак фонаря кабины еще раздвинут, свежий предрассветный ветер посвистывает в антеннах. Пахнет землей, бензином, росистыми травами.

Таня, сбиваясь от простонавливается — померещилось мимо, человек улавливает и опасливо укрывается в темной поворотной. Проходя роняет ее, и они едва успевают резкое движение, Сергей почти Испуганно ахнув, Таня лезает вперед и показывается человек. 42 ее несколько шагов, потом из-за угла Таня посапывает затишье. Он несет — Тихо, а то урону...

Сережа!! только здесь неудобно, правда... Ну, прохожий... Я очень хотела бы, но — Ну, что ты, варит еще какой-нибудь — Взять тебя на руки? танцевать устала, а идти так — ничего... — Ничего, совсем неможжко... Я — Ты же устала, Танюша... — Давай похаживаем немножко, хорошо? лицо: попасть в ногу, и загораживает Сергея на тротуарах. Таня подпрыгивает, чтобы автомобили, угольно-черная лунная тень Тихие улитцы, редкие запоздалые несколько часов уединения... — Да, конечно, все равно через прощайся. — Ага. Мы, значит, потихоньку, не

самим марсианский танец, потрясающий
гибрид фокстрота и вальса. Любители
футбола горячо обсуждают завтрашнюю
встречу московских армейцев с
киевским «Динамо», которой начнется
спортивный праздник в честь открытия
нового республиканского стадиона в
Киеве.

Час тридцать. Попрощавшись со
своими питомцами, уходят Сергей
Митрофанович и Архимед. Завхоз опять
просовывает в дверь круглую лысую
голову и озабоченно поглядывает на
люстру — кому веселье, а кому нагоняй

40 за перерасход энергии. Елена
Марковна записывает для Людмилы
адреса своих московских знакомых.
На Жешувское шоссе, осторожно
ощупывая дорогу тусклыми лучами
маскированных фар и мигая синими
стоп-сигналами, выезжают грузовики с
мотопехотой. Трехтонные «опели» один
за другим разворачиваются и с глухим
ревом уходят в сторону Перемышля —
мимо ожидающих своего часа танков.
Из открытых башенных люков их
проводят взглядами. Сорок шестой,
сорок седьмой, сорок восьмой, сорок
девятый, пятидесятый, пятьдесят

вино и шепчет ему на ухо: «Я стану
совсем пьяницей за эти дни, правда...»
С ответным словом встает секретарь
комсомольской группы десятого «А»
— бывший секретарь — Анатолий
Шаповалов.

— Дорогие наши преподаватели! —
говорит он ломким юношеским
баском. — От имени всех нас,
выпускников сорок шестой школы,
я имею поручение поблагодарить вас за
все, что вы для нас сделали, и заверить
вас в том, что — как сказал только что
Геннадий Андреич — ваша работа не
окажется напрасной...

Девятнадцать часов. В нескольких
сотнях километров западнее Энска,
в шести километрах от границы, на
плацу выстроен по тревоге личный
состав батальона 129-го танкового
полка, входящего в состав дивизии
СС «Мертвая голова». Четыреста
человек в коротких черных мундирах
с серебряными эмблемами смерти
на пилотках, стоя по команде
«штильгештанден» — каблуки вместе,
грудь вперед, чуть согнутые в локте
руки прижаты ладонями к бедрам, —
в гробовом молчании выслушивают

25

подмигивает. — Сам ты неужели, Лушко! — кричит
она. — Чем мечтать о межпланетных
полетах, лучше бы учился все эти годы!
— А я что, не учился? — оспаривается тот.
— Да, но как? Ты как историю учишь,
а? Помнишь, тебя в восьмом классе
спросили насчет чартизма — что это
за движение и от какой партии оно
получило свое название, — а ты апнул:
«От Великой партии вольностей!» Кому
ты такой на Марсе нужен!
Лушко не сразу находит, что сказать.
Все хохочут.
— Ну, знаешь! — заявляет он наконец.
— Это запрещенный прием. Ты
же сама мне тогда и подсказала эту
хитрую вольность!
— А ты и попался, да? Неандерталец ты,
вот кто ты такой, а еще на Лулу хочешь
лететь! Идем, Луся. В конце концов,
для чего мы сегодня сюда пришли —
танцевать или спорить о лунских
ракетах? И музыки опять нет...
— Сейчас кто-нибудь сядет, подождав.
Где Инна?
— Не знаю, я вот смотрю, где Сережа...
опять, верно, курить отправился, вот
горе! Может, запретить ему курить?

37

Митрофанович прозно хмурится.
— Что-то ты, голубушка, пнешь
несуразное. С каких это пор ценность
литературы стала определяться силой ее
эмоционального воздействия? Кто тебя
идем-ка... Так ты, значит, умница ты
моя, не видяшь в литературе другой
ценности? Ну хорошо, а вот...
Елена Марковна Вейсман, закончившая
наконец читать Джекневу свои
таинственные наставления, попадает в
окружение певой стаи дельшек.
— Елена Марковна, ну вот вы скажите!
— вопит Така Повецук. — Вот вы
сами женщины — скажите нам, можно в
нашем возрасте пугаться и краснеть
глубоко? Вот теперь, когда мы уже
не школьники, а? Вот Земцева
доказывает, что это чужь и не разврат...
— Така, бесстыдница, как не совестно
перевирать слова! — протестует
Людмила. — Я просто говорю, что это
связательствует о аеткомыслии...

28

приказ верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии. Этот же приказ зачитывается сейчас на полевых аэродромах, на кораблях военно-морского флота, во всех частях и подразделениях сухопутной армии Восточного фронта.

Девятнадцать часов тридцать минут. Из открытых настежь высоких окон актового зала льется в школьный сад мелодия вальса. Розовый закат гаснет над городом, обещая на завтра отличную воскресную погоду: можно будет отправиться в лес, или на лодочную

станцию, или на рыбалку.
— ...а вы бы пошли завтра с нами,
— умильным голоском упрасивает Таня танцующего с ней преподавателя, — и почитали бы нам стихи. Например, Блока! Представляете, послушать Блока в лесу? Серге-е-ей Митрофанович, ну, пожа-а-алуйста...
— Ты над стариком не издевайся, и так замучила. Больше я не танцую, хватит с меня. Я-то уж было обрадовался — девица приглашает в лес... а ты, оказывается, вот для чего — чтобы Блока читать! Нет, голубушка, это уж пусть мой тезка тебе читает, да-да!

— Да ничего он не умеет, правда! —
Таня вытпигивает шено и через пачо своего партнера отпавывает заа: куаа это длавася Сережа? Ах, вон он тде — сидит в самом углу с Евной Марковной. Касрук читает что-то вроде нотации, Сережа саушает с ужасно серьезным видом. Ох, ох, как бы это не о ней шла речь...
Танец окончен. Таня по-мачически расканивается с преподавателем и варут вспоминает:
— Ой, Сергей Митрофанович, я совсем забыла, давно хотела вас спросить: как, по-вашему, Трин — это настоящая литература или не совсем?
Тучный старик, запыхавшийся от танцев, прикалывает ко абу палат и улавенно смотрит на свою вчерашнюю ученицу:
— В каком это смысле?
— Ну, вы понимаете — у нас Трина совсем не прохоят и вообще не изаают, значит, он не считается писателем, засауживающим внимания. Но вав есаи ценность литературы закауяется в сие ее эмоционального воздействия, то Трин...

— Пстой, пстой! — Сергей

сена — такой неуместный в этой тысячепудовой стальной коробке, начиненной снарядами и механизмами и пропитанной горклым машинным запахом. В танке тихо, слышно лишь тяжелое дыхание четырех человек. Монотонно ноет рация, настроенная на командирскую волну.
Час ноль-ноль. Некоторые из преподавателей уже разошлись по домам, и приближающееся к концу веселье принимает хаотические формы. В одном углу Леша-Кривошип сколотил хор, на эстраде лохматый юноша из «А» добывает пианино, выколачивая на пари весь репертуар Эдди Рознера, посреди зала танцуют. Почти все шары полопались от жара люстры, на протянутых от нее гирляндах сигнальных флажков висит пестрая путаница серпантина. Таня гоняется за Сашкой Лихтенфельдом, высыпавшим ей на голову целый мешочек конфетти. С помощью Галки Полещук она загоняет его в угол и начинает колотить по плечу; Сашка вопит дурным голосом. В окружении стонущих от хохота зрителей Володя Глушко с серьезным видом исполняет соло — изобретенный им

— Зачем? По-моему, у мужичины доажны быть свои права. И вообще, знаешь, я терпеть не могу таких мужчин, которые сияют под башмаком у женны...
— Лоспай, — смеется Таня, — неужели ты думаешь, что Сережу можно посадить под башмак! Нет, про папирсы — это я просто так... А вообще, меня беспокоит его здоровье. Ты же видишь, какой он худой! А варут ему вреан курить?..
Ноя часов тридцать минут, авадать второе июня, воскресенье. Желтвское шоссе. Тяжелыми черными тавбами, разавенные авадатиметровым интервалом, стоят танки. Их много, хвост и голова бесконечной ковоны теряются во мраке. Мочавные машины кажутя покинутыми на этой безавной дороге, в нескольких километрах от траницы. Но это только кажется, — экипаж на своих местах, марш-приказ может посадовать в любой момент.
Ковонна стоит авно. Уже начинается чуть меркнуть звезда в светлом прямуютовнике раскрытого люка. Или это только кажется? Авкий порыв ночного ветра доносит с полей сабы и нежный аромат вянущего

группа вокруг Володи Глушко: двое с ним спорят, остальные просто слушают, посмеиваясь.

— ...Да что вы понимаете в этом, вы, невежды! — кричит красный и взлохмаченный Глушко. — Когда первый самолет должен был полететь, так тоже находились такие вот умники — «не полетит, где ему, разве что через сто лет!» Да что самолет — над Фультоном издевались, сам Наполеон обозвал его авантюристом!

— Ладно, ты не крути, — наседает на него один из противников, — ты нам (36) Наполеоном зубы не заговаривай, а скажи прямо: через сколько лет будут летать твои ракеты?

— Неважно, через сколько лет! Во-первых, они уже летают...

— Мы говорим о практическом применении!

— ...а во-вторых, срок тут не важен! Вы со мной в принципе не согласны. А вообще, я совершенно уверен, что это произойдет скорее, чем вы все думаете!

— А на Марс когда? — лукаво спрашивает Людмила. — Я уже давно жду!

Таня толкает ее локтем и хитро

Сергей ищет глазами Таню. Так и есть — Митрофаных уволок ее под пальмы и что-то внушает.

— Ты почему не танцуешь? — налетает на него Ариша Лисиченко. — А ну-ка, приглашай меня!

— Да какой из меня танцор, выдумала тоже! Иди вон лучше со своим Мишкой танцевать, я не умею! (29)

— Ничего, научись! Михаил опять с Глушко из-за моторов сцепился, теперь им на целый час хватит... Идем, идем, это же совсем легко — фокстрот, смотри, просто ногами двигаешь... Вспыхивает люстра. Вокруг нее, на ниточках разной длины, подвешены к потолку надувные шарик, сейчас они матово просвечивают, как огромные виноградины — красные, синие, зеленые, оранжевые. Раскручиваясь, взлетает первая ленточка серпантина, разноцветный дождь конфетти осыпает плечи танцующих. Актальный зал расположен на втором этаже, и из окон видно, как за темнеющими кронами каштанов догорает вечерняя заря. Часы бьют восемь.

— О чем это ты с ним беседовала? — спрашивает Сергей, завладев наконец

заводит артуго меводи, протяжну и печальну: «Heimat, deine Sterne...» Часовой останавливается, потом идет даьше, мерно и глухо стуча коваными кабаками.

В казино шумно, хотя пьяных сегодня нет. В углу, вдавлив спину в диван и вытянув скрепленные ноги, подает светловосый юноша в узком шетовском мундире серо-стального цвета. На красивом лице обер-агентства выражение безнадзорной скуки. Ему действительнo скучно. Тоску вызывает знакомая обстановка казино, припиченные на пианино (33) фотографии Марки Рек и Цары Леандр, лица товарищей по оружию, их голоса и их остро. Этот боуан со шрамом на морде опять читает стихи, свои или чужие — неизвестно, но, так или иначе, аерьмовые. Вообще, тоску вызывает вся жизнь.

Обер-агентств поаваяет зевок и смотрит на часы. Он ждет, но ждать ему нечего. Все равно ничего нового не будет. Жизнь все равно не может быть ему ничего нового. В свои двадцать два

магазинные коробки уложены сотни метрв крупнокаберных патронных агент. Еще засветло были заправлены баки, в посеваний раз проверены и опробованы моторы. Сейчас на аэродроме темно и тихо. Вдоль взлетной дорожки, тяжело ступая по утрамбованной земле, мерно шагает часовой в полном боевом снаряжении — в каске, с круглой гофрированной коробкой противотоза, с вискишм под мышкой пистовет-пулеметом. Характерные очертания пкировщиков — горбатые, с высоким угловатым кишем и хитно вытянутым вперед обтекательм втулки винта — четко вырисовываются на светлом ночном небе.

Через несколько часов десятки оановременн запущенных моторов превратят эту типину в ревущий а, но пока ее нарушат только шати часовых, алакий тоскавивый крик какой-то (32) ночной птицы и негромкое пение глубокой гармоник, доносящееся от баракв равового состава. Типина. Из офицерского казино долетает взрыв хохота; гармоника поет о аевушке, которую зовут Эрика. Умакнув, она мевденно, савно нерешительно,

своей Таней. — Я за это время фокстрот научился танцевать...

— Правда? Сейчас посмотрим. А беседовали мы о литературе, о теории литературы, — важно заявляет Таня.

— Ты думаешь, у меня не может быть серьезных интересов? А ты о чем с Еленой Марковной? О, слушай, фокстрот! Идем-ка, я проверю, как ты научился. Так что это она тебе такое говорила?

— Секрет, — подмигивает Сергей. — Строго секретные дела.

— Ну скажи-и-и! Ой, и противный же ты иногда бываешь, кошмар. Завтра в лесу скажешь?

— И в лесу не скажу...

— Ладно-ладно, я это тебе припомню... Ну что ж, у тебя уже выходит довольно прилично... только ты держи меня немножко ближе, это ведь не вальс. Я просила Сергея Митрофановича, чтобы он тоже пошел с нами завтра — почитал бы там стихи. Так он не хочет, говорит — куда мне с моей комплекцией в лес. А стихи, говорит, пускай тебе Сережа читает.

— А что ж, и прочитаю!

— Блока? — Таня насмешливо морщит

голосом:

...Мы идем, отбивая шаг,
Пыль Европы у нас под ногами!

Ветер смерти свистит в ушах!
Кровь и ненависть! Кровь и пламя!..

Этому-то болвану, несомненно, интересно жить. Сейчас, например, он видит себя со стороны — этакая героическая сценка под названием «Ночь накануне Восточного похода». Всё дерьмо. Теперь они будут бомбить русские города. Если бы у него была хотя бы ненависть к неарийцам! Но у него нет ничего — кроме умения убивать и Рыцарского Креста, полученного в двадцать один год. Бомба попала прямо в скорлупу — бортстрелок видел со своего места, как томми летели в разные стороны. Наплевать. Ему наплевать и на русских, и на томми, и на французов, и на тысячелетний райх германской нации. Ему наплевать на все — в двадцать лет он уже убивал людей на дорогах Польши...

Время приближается к полуночи. Возле открытого в сад окна собралась целая

35

нос. — Куда уж тебе! Опять начнешь подвывать, как своего Батрицкого... «Головами — крутят кони! Хвост по ветру — стелят! За Махной — идет потопня! Аккурат — неслучайно! Ха-ха-ха-ха! — Посмейся мне, посмейся... — Ой, Сережа милая, ну ты же такой смешной, когда читаешь Батрицкого! — Ладно тебе, Митрофанович еще не так подвывает... — Не говори глупостей, он читает очень хорошо! Сережа, а о чем ты разговариваешь с Квасруком? — спрашивает она небрежно. — Секрет, я же тебе сказал! — Но ты мне его скажешь, ведь права? — Таня привстает на пышочках и на секунду прижимается щекой к его щеке. — Конечно, скажешь... Быстро бегут часы короткой июньской ночи — самой короткой в году. Двадцать два тридцать. На полевом аэродроме бомбардировочной группы к «Иммерман» машины подготовлены к боевому вылету. Тупорылые фуфлячные пилоты ики надежно закреплены в захватках бомбосбрасывателей, доверху напонаены каскетты зажимательных, в

31

года он уже пресыщен и жизнью, и смертью. Ему было двадцать, когда он бомбил Варшаву и расчленил польские ворота от кованых беженцев. Потом он бомбил Роттердам. Потом — Седан и еще несколько французских городов, названий которых не помнит. Над Аюнкерком он совершил подвиг — в один вылет сбил «спитфайр» и пустил на Аю какую-то скорлупу, полную томми. За это ему дали Рыцарский Крест. Откровенно говоря, «спитфайр» — даже не его заслуга. Чистая случайность, каких много бывает на войне. Он увидал англичанина впереди — тот разворачиваясь, захватывая атаки, — и машинально нажал на гашетку курсовых пулеметов. Просто так, даже не пытаясь прицелиться — это все равно было бессмысленно; и по совершенно неправдоподобному совпадению обе трассы пересеклись с курсом истребителя... А впрочем, не все ли равно, случай или геройство. Неважно ему исполнилось двадцать два — но чего ждать от жизни? Повышения в чине? Дубовых листьев с мечами и бриллиантами? Аэтенант со шрамом читает лаяющим

34